
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2025.01.11

КАЛАШНИКОВА А.И.¹ ВЕЧНЫЙ СЮЖЕТ О ДОН КИХОТЕ
В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ПОДВИГ»[©]

Аннотация. Статья посвящена исследованию вечного сюжета о Дон Кихоте в романе «Подвиг» В.В. Набокова на основе анализа текста романа и лекций Набокова о произведении Сервантеса. Обосновывается применение понятия «вечный сюжет» в отношении композиционных особенностей и интертекстуальных связей романа «Подвиг». Образ главного героя Мартына Эдельвейса сопоставляется с вечным образом Дон Кихота. На материале романа раскрывается особое отношение Набокова к герою Сервантеса, причины обращения к соответствующему вечному сюжету и его собственная трактовка сюжета-ситуации.

Ключевые слова: вечные сюжеты; «Дон Кихот»; Набоков; Сервантес; «Подвиг».

Для цитирования: Калашникова А.И. Вечный сюжет о Дон Кихоте в романе В.В. Набокова «Подвиг» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – № 1. – С. 147–157. – DOI: 10.31249/lit/2025.01.11

Получена: 01.11.2024

Принята к печати: 30.11.2024

KALASHNIKOVA A.I.² The eternal storyline of Don Quixote in Vladimir Nabokov's *Glory*[©]

¹ **Калашникова Анна Ивановна** – студентка IV курса бакалавриата, направления «Отечественная филология» Южного федерального университета; akala@sfnu.ru

[©] Калашникова А.И., 2025

² **Kalashnikova Anna Ivanovna** – 4th year student of the Bachelor's degree in Russian Philology at the Southern Federal University; akala@sfnu.ru

[©] Kalashnikova A.I., 2025

Abstract. The article is devoted to the research of the eternal storyline of Don Quixote in Vladimir Nabokov's novel *Glory*. It is based on the textual analysis of this novel and Nabokov's lectures on Cervantes' book. We argue the term 'eternal storyline' in point of structural features and intertextual connections of *Glory*. The image of the main character, Martin Edelweiss, can be compared with the eternal image of Don Quixote. The novel contains Nabokov's attitude to the predominated eternal storyline and his own interpretation of the 'storyline-situation'.

Keywords: eternal storylines; *Don Quixote*; Nabokov; Cervantes; *Glory*.

To cite this article: Kalashnikova, Anna I. "The Eternal Storyline of Don Quixote in Vladimir Nabokov's *Glory*", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 1, 2025, pp. 147–157. DOI: 10.31249/lit/2025.01.11 (In Russian)

Recieved: 01.11.2024

Accepted: 30.11.2024

Романы и рассказы В.В. Набокова представляют собой сложно сконструированные аллюзивные тексты, в которых, помимо авторских пародий и реминисценций, обнаруживаются отражения так называемых вечных сюжетов. По мнению В.Е. Багно, для выявления в произведении вечного сюжета часто требуется не буквальное упоминание его заглавного героя, а «сочетание мотивов, их система, позволяющая усматривать соотнесенность образов, развитие в новом произведении тех общественных умунастроений, стиля жизни и поведенческих моделей, которые при своем зарождении представляли собой подражание властителям умов и чувств или литературным героям, имена которых стали нарицательными» [Багно, 2009, с. 13]. Данная формулировка выражает суть определений современных исследователей¹, хотя и не содержит прямого упоминания термина «вечный сюжет».

¹ Г.Г. Ишимбаева: «Константное содержание», которое «запрограммировано на вариативность прочтений» и включает в себе «комплекс общечеловеческих проблем» [Ишимбаева, 2019]; А.В. Зезюлевич, Т.Е. Автухович: «...устойчивые ментальные конструкты, актуализация которых в литературном процессе обусловлена культурно-исторической ситуацией» [Зезюлевич, Автухович, 2012, с. 90]; «имена», которые представляют собой «свернутый сюжет» и «в определенных исторических ситуациях актуализируются, наполняются новым содержанием и оказываются востребованными искусством и общественным сознанием» [«Вечные» сюжеты и образы ... , 2015, с. 9].

К группе «вечных» ученые традиционно относят сюжеты, прославленные Шекспиром и Сервантесом. В отношении В.В. Набокова, отметим интерес русскоязычных исследователей к связям между его сюжетами и шекспировской драматургией: «Гамлет» и «Машенька» [Хасин, 2001, с. 127–129], мотивы «Гамлета» в романе «Приглашение на казнь», рассказах «Истребление тиранов», «Облако, озеро, башня», «Terra Incognita» [Дмитриенко, 2014], «Отелло» и рассказы «Месть», «Однажды в Алеппо», «Весна в Фиальте» [Ковалев, Жуков, 2020; Медведева, 2021]. По мнению Н.И. Шитаковой, «шекспировские и сервантесовские реминисценции <...> встречаются в романах Набокова “Соглядатай”, “Отчаяние”, “Приглашение на казнь”, рассказе “Адмиралтейская игла”», а в образе Мартына Эдельвейса «синтезированы черты Дон Кихота и Гамлета» [Шитакова, 2017, с. 332]. Однако Шитакова говорит не о вечных сюжетах, а о реминисценциях (образных, то есть сопровождающих образ героя, и концептуальных, то есть раскрывающих «идейно-содержательную константу» произведения)¹. Э.Р. Гусейнова проводит параллели между романами «Пнин», «Отчаяние» и «Дон Кихот» [Гусейнова, 2012]. Нора Букс в книге «Эшафот в хрустальном дворце» пишет, что главный герой «Подвига» «вбирает фрагменты биографий Набокова, Пушкина <...>, и литературных героев, пушкинских и шекспировских»; судьба Мартына сравнивается с судьбой Одиссея и Энея [Букс, 1998].

В англоязычных набоковедческих исследованиях заметно внимание к сервантесовскому коду романа «Лолита», появление которого обусловлено биографически: перед написанием скандального произведения Набоков готовил лекции о «Дон Кихоте» для Корнеллского университета. Catherine Kuncse пишет о критике Набоковым Сервантеса и одновременном подражании ему [Kuncse,

¹ Выявление в прозе В.В. Набокова реминисценций, отсылок к литературе любого уровня, «говорящих» деталей, цитат, пародий не снижает ценности обнаружения в ней реализованного вечного сюжета. Во-первых, он обогащается сам по себе благодаря новой авторской интерпретации, полемизирующей с предшествующими его воплощениями, и добавляет новые смыслы в исследуемый текст. Во-вторых, вечные сюжеты представляются явлением, родственным реминисценции, но не тождественным ей. Согласно Хализеву, это образ литературы в литературе в любой форме, от упоминания заглавия до подражания и вольного перевода [Хализев, 2005, с. 267–268]. Концептуальные и образные реминисценции, о которых в своей статье пишет Н.И. Шитакова, близки к понятию вечного сюжета, который можно рассматривать как средство интертекстуальности в рамках понятия реминисценции.

1993]. Статья К. Krabbenhoft – о сходстве Гумберта Гумберта с Дон Кихотом и мотиве эротической одержимости в соответствующих романах [Krabbenhoft, 1996]. Ilse Logie говорит о «переписывании» «Дон Кихота» в «Лолите» (“Nabokov’s reading of Cervantes’ novel was actually a preliminary step towards the rewriting of *Don Quixote* that resulted in *Lolita*” [Logie, 2017, с. 54]). Идея «переписывания» известного романа близка к трактовке вечного сюжета как рассчитанного на «вариативное прочтение» и «наполнение новым содержанием».

Обращение к вечному сюжету характерно для модернистской литературы, поскольку в ее поэтике «сюжетная ситуация не только индивидуально-конкретна и непредрешима, она еще и вероятностно-множественна» [Введение в литературоведение, 2021, т. 2, с. 290]. Этот тезис подчеркивает возможность реализации в произведениях Набокова сразу нескольких сюжетов мировой литературы. В данной работе мы выделим интерпретацию сюжета о Дон Кихоте, представленную Набоковым в романе «Подвиг».

Л.Е. Пинский в своей монографии «Магистральный сюжет» сформулировал суть вечного сюжета о Дон Кихоте; она заключается «в изображении *активной* натуры, которая не мирится с убожеством жизненных условий и протестует против них, воодушевленная представлением о жизни, достойной человека, о его высоком призвании» [Пинский, 1989, с. 333]. Сюжет о Дон Кихоте он относит к сюжетам-ситуациям, объясняя это вторичностью фабулы: «...сама фабула отходит на второй план, становясь как бы примером, иллюстрацией, одним из возможных вариантов возрождающегося и повторяющегося “донкихотского положения”», поэтому в позднейших интерпретациях герой зачастую «вообще не повторяет ни один из подвигов рыцаря Печального образа», «<новые донкихоты> лишь *соотнесены* с персонажем знаменитого романа как с нормой “донкихотства”» [Пинский, 1960]. В авторской трактовке высокий пафос трагедии Рыцаря Печального Образа может быть снижен, как в романе Сервантеса. На «русской почве» роман «Дон Кихот» и его заглавный герой оказали влияние на самосознание интеллигенции, приобрели статус философской идеи и воплотились в искусстве и в реальности, о чем писали В.Е. Багно [Багно, 2009, с. 3–5] и Ю.А. Айхенвальд [Айхенвальд, 1982, ч. 1, с. 19].

Главный герой романа «Подвиг», Мартын Эдельвейс, подбирает для себя «модели поведения» в художественной литературе, в основном классических и приключенческих романах. Его за-

тянувшаяся «игра», подобно играм других набоковских персонажей, «может перерасти детство» [Набоков, 2002, с. 23], став образом жизни и мировоззрением. И в этом герой Набокова походит на героя Сервантеса. Дон Кихот в своем воображении уподобляется Амадису Галльскому, Роланду, раненому Балдуину, пленному Абиндарраэсу, а Мартын воображает себя романтическим «изгнанником» («...ощутил на своих щеках байронову бледность и увидел себя в плаще» [Набоков, 1990, т. 2, с. 198]), «раненым Тристаном сам друг с арфой» [Набоков, 1990, т. 2, с. 241], Христофором Колумбом [Набоков, 1990, т. 2, с. 243]. Цель «игры» Мартына – «всегда поступать так, как поступал бы на его месте человек отважный» [Набоков, 1990, т. 2, с. 163], сообразно модели поведения героя, взятого за образец. Он сам готов, как Дон Кихот, придумывать себе обстоятельства для проявления доблести и благородства, однако реальные события всегда складываются в нелепое положение, уничтожая мнимые опасности. В то же время Мартын встречает персонажей, переживших настоящие приключения или тяжелые испытания, но внешне никак не проявляющих свою героическую или трагическую опытность. Авторская ирония подчеркивается сокрытием комических «подвигов» Мартына от остальных персонажей, тогда как Сервантес, напротив, делает своего героя посмешищем для окружающих, как бы принимая точку зрения безжалостной толпы, в чем его обвиняет Набоков в своих лекциях.

Самореализация без любви к идеалу женственности невысказана и для Мартына, и для Дон Кихота. Мимолетные связи Мартына оставляют только воспоминание о невозвратимом очаровании, разрушенном пошлой действительностью: пассивный муж поэтессы Аллы не собирается мстить юному любовнику супруги, как ожидает Мартын; его увлечение горничной Марией обрывается из-за ее нечистоплотности. Свой идеал он неожиданно для себя обнаруживает в Соне Зилановой, подруге детства; страдая от ее насмешек и собственной ревности, он не считает нужным хранить ей рыцарскую верность. Тем не менее, как пишет Э. Хейбер, «многие эпизоды в жизни Мартына можно рассматривать как героические поступки, совершенные ради того, чтобы смягчить сердце его жестокой дамы Сони – увы, безрезультатно» [Хейбер, 2001]. «Экспедиция» Мартына в Россию, которая должна стать подвигом, по сути, бессмысленна. Он не тоскует по родине, не пытается присоединиться к белому движению. Все, к чему он стремится, – преодолеть собственную трусость и вернуться к Соне с рассказом о по-

росшей лесом стране Зоорландии, «где в сумраке мучат толстых детей и пахнет гарью и тленом» [Набоков, 1990, т. 2, с. 258]. Мартын надеется сломить ее равнодушие, болезненно ранящее его после возвращения из французской провинции: «...и неужели он, как сейчас, все выпалит разом, неужели Соня так же, как сейчас, будет сквозь шелк почесывать голень и глядеть мимо него на вещи, ему неизвестные?» [Набоков, 1990, т. 2, с. 284].

Комизм положений, в которых он оказывается (по собственной инициативе), осознает только читатель; персонажи романа приписывают странное поведение Мартына юношескому безрассудству. Софья Дмитриевна опасается, что сыну наскучит Кембридж и он сбежит куда-нибудь, например, на войну в Россию. Мартын по приезду на каникулы предлагает отправиться всей семьей на Канарские острова, и его идею дядя Генрих называет «безумием». Дон Кихот поражал своих домашних внезапной тягой к далеким путешествиям, из-за которой он бежал из плена в собственной усадьбе. Дон Кихот гордо отказывается от мирной жизни с подсчетом доходов в своем поместье, предложенной управляющим герцога. На протяжении всего повествования его пытаются уговорить вернуться домой или обманом остановить его странствия и подвиги. Мартына никто не удерживает силой, однако поездку на юг Франции и в Россию он совершает втайне от остальных, чтобы тем сильнее впоследствии всех поразить. Дядя и отчим Мартына стремятся «образумить» молодого человека, который ничего не планирует делать после выпуска из Кембриджа: «...уже несколько раз выползал, крадучись, этот жалкий разговор о каком-то коммерческом доме братьев Пти, с которыми дядя Генрих был в деловых сношениях» [Набоков, 1990, т. 2, с. 211]. Перед «экспедицией» Мартын отдает Дарвину письма, отправка которых скроет его исчезновение, а Дарвин предлагает достать ему британский паспорт, чтобы Мартын воспользовался безопасным путем, что бы он ни задумал [Набоков, 1990, т. 2, с. 292]. Разумный совет ему дает Грузинов, которого Мартын расспрашивает о тонкостях перехода через границу, уверяя, что делает это для своего приятеля Коли: «Передайте Коле, чтоб он оставался дома и занимался чем-нибудь дельным» [Набоков, 1990, т. 2, с. 277]; отец Сони называет его «сумасбродом» [Набоков, 1990, т. 2, с. 294].

Санчо Панса, противоположность Дон Кихота и его постоянный спутник в странствиях, как пишет Набоков в лекциях, не более чем мелочный обыватель, который не разделяет идей своего хозяина и лишь надеется стать губернатором за счет его покрови-

тельства [Набоков, 2002, с. 21–23]. В романе «Подвиг» Мартын странствует самостоятельно, но у него есть лучший друг и «альтер-эго» Дарвин. При первой встрече с ним Мартын «пожалел его, как жалел всякого домоседа», Дарвин поразил его «своей сонностью, медлительностью движений, какой-то комфортабельностью всего существа» [Набоков, 1990, т. 2, с. 194]. Он пережил романтические приключения, повторить которые хотел бы Мартын, но никому о них не рассказывает. Он крайне рационалистичен и хладнокровен, и романтические замыслы Мартына не просто нелепы в его глазах – он их будто не замечает. Когда Роза, «богиня кондитерской», сообщает Мартыну о своей беременности, тот немедленно пишет ей записку с предложением стать его женой. Вечером того же дня к Мартыну, который «лежит, как мертвый», приходит Дарвин и переводит его трагедию в бытовой фарс: «Я, знаешь, только что побеседовал с этой женщиной... Она столько же беременна, как, например, я. Хочешь держать со мной пари ровно на пять фунтов, что скручу кочергу в вензель?» [Набоков, 1990, т. 2, с. 226]. Единственное «безумство» Дарвина – спонтанный «поединок» с Мартыном после отказа Сони. В итоге он счастливо женился и обеспечил себе безбедное существование, однако когда Мартын «напомнил ему о давнем, смешном, кембриджском», то «с ужасом отметил, что воспоминание у Дарвина умерло или отсутствует, и осталась одна выцветшая вывеска» [Набоков, 1990, т. 2, с. 291].

Трагическая судьба сервантесовского Дон Кихота, как считает Набоков, отражает позицию его жестокого и насмешливого создателя. Открытый финал «Подвига» стирает из повествования, по-видимому, состоявшийся переход Мартына через границу (последнюю и подлинную инициацию в архетипическом сюжете становления) и предлагает понимать его либо как триумф (Соня поражена поступком своего «рыцаря»), либо как гибель Мартына, либо как провал героя романа, так как его единственный настоящий подвиг намеренно изъят из художественного текста. М. Шраер в качестве одной из трактовок финала выдвигает «трансцендентальное восхождение к Любви и Мудрости», которые олицетворяются в женском образе [Шраер, 2001]. По мнению Набокова, Дон Кихот встречается со своей наполовину вымышленной возлюбленной в финале романа: «Дульсинея расколдована. Она – смерть» [Набоков, 2002, с. 129]. Возможно, только вступив в иной мир, герой познает то, к чему вела его судьба и увиденная в детстве на картине тропинка; оттуда он подает знаки в покинутую им реальность.

Сходство сюжета «Подвига» с вечным сюжетом «Дон Кихота» объясняется особенностями набоковской поэтики.

А. Люксембург говорит, что для Набокова характерна «амбивалентность» лексических, композиционных и идейных составляющих текста; автор предоставляет возможность двоякого прочтения – прямого и иронического [Люксембург, 1999]. Так, Мартын кажется одновременно и искателем потустороннего и вечного, и заурядным любителем массовой культуры. Реплика Дарвина при выходе из кинематографа ставит под сомнение уникальность его переживаний и мечтаний: «...странная вещь: ведь все это плохо, и вульгарно, и не очень вероятно, – а все-таки чем-то волнуют эти ветреные виды, роковая дама на яхте, оборванный мужлан, глотающий слезы» [Набоков, 1990, т. 2, с. 158]. Жизненный опыт Мартына ничтожен, по сравнению с тем, что пережили Дарвин, отец Сони Зилановой и его знакомые, несколько раз пересекавшие границу с Советским Союзом, тетка и двоюродная сестра Сони. Мартын на их фоне действительно предстает заурядным мечтателем; у него много общего с главным героем повести «Соглядатай», еще более заурядным человеком. Протагониста Набокова обычно теснит «мир пошлости», но и сам протагонист «зачастую будет лишь немногим отличаться от более отталкивающих героев» [Двинятин, 2006, с. 472–473].

Повторение «сюжета-ситуации» в романе «Подвиг» можно назвать «узором судьбы» главного героя, по выражению Набокова, «образами или идеями, которые вновь и вновь возникают в романе подобно тому, как мелодия вновь и вновь возникает в фуге» [цит. по: Люксембург, 1999]. Приключенческий потенциал каждой ситуации оборачивается обманом ожиданий, в первую очередь, для героя романа. «Неудача является элементом фабулы. На нефабульном уровне ей соответствует фигура неудачника, аутсайдера, нередко одержимого теми или иными комплексами» [Двинятин, 2006, с. 472]. Ф. Двинятин отмечает эту особенность в сюжетах произведений «Соглядатай», «Отчаяние», «Камера обскура», «Дар», «Приглашение на казнь», «Защита Лужина», «Подвиг»: «...на самом деле Набоков <...> пишет о заранее обреченных попытках переиграть и освободиться – попытках, в которых объединены осуждаемый преступник и симпатичный неудачник: проигрывают оба» [Двинятин, 2006, с. 469]. А. Арьев выводит формулу «набоковского жанра» – «повесть о несбывшихся ожиданиях» [Арьев, 2001, с. 171].

Роман «Подвиг» тяготеет не только к жанру романа о художнике, но и к жанру романа воспитания. Сюжет о становлении молодого человека снимает проблему сюжета о Дон Кихоте как безумце, поскольку романтические иллюзии – естественная возрастная особенность Мартына Эдельвейса. «Еще В. Ходасевич так характеризовал “скрытую тему” прозы Набокова: “тематизирование <...> пропасти между миром повседневности и миром искусства”» [Медарич, 1999, с. 463].

Беспорядочные перемещения Мартына и его возвращение на родину можно рассматривать как «эстетическое донкихотство». «Лишь оставшись наедине с собой, человек оказывается способным на путешествие, причем как в физическом, так и в метафизическом аспектах: это и реальное путешествие героя из страны в страну, и его движение к Истине. Не случайно Набоков акцентирует внимание на стремлении Мартына к одиночеству и путешествиям, выступающим в данном случае метафорой постижения бытия», – так объясняет Н.И. Шитакова реализованный в романе мотив путешествия и возвращения [Шитакова, 2017, с. 333].

Неизменная, доходящая до одержимости любовь к Прекрасной Даме, которая может быть безразличной к своему обожателю, не понимать его или отвергать, – символистский мотив, реализованный и в других романах Набокова и не уникальный для «Подвига» (кроме того, другие герои обладают большим постоянством своего чувства, в отличие от Мартына). Героини Набокова, в том числе и Соня Зиланова, становятся олицетворением Вечной женственности для влюбленных в них героев, целью их творческих поисков. Главные герои романов Набокова раскрываются в любви в качестве художников, однако проявление этого чувства в реальном мире может быть нормальным или патологическим, явным или скрытым в подтексте.

Итак, для набоковских текстов с их амбивалентностью, разработанностью мотивов и повторениями целых эпизодов органично включение вечного сюжета и, в частности, сюжета о Дон Кихоте, где грань между трагическим и комическим максимально неустойчива, а главный герой и все происходящее с ним получают двойное истолкование. Сервантесовские реминисценции в произведениях Набокова равнозначны шекспировским и находятся на более глубоком текстуальном уровне, чем просто отсылка и пародия. Приняв во внимание особенности романа «Подвиг» и его соотнесенность с другими романами, можно предположить, что модель сервантесовского романа, то есть вечный сюжет о Дон

Кихоте, стала основой для модели набоковского романа. Разработка вечных сюжетов в творчестве Набокова представляется перспективным направлением литературоведческих исследований.

Список литературы

1. *Айхенвальд Ю.* Дон Кихот на русской почве – New York : Chalidze Publications, 1982. – [Ч. 1]. – 357 с.
2. *Арьев А.* Вести из вечности (о смысле литературно-философской позиции В.В. Набокова) // Владимир Набоков : pro et contra / [сост. Б. Аверин и др.]. – Санкт-Петербург : Издательство, 1999–2001. – Т. 2. – 2001. – С. 170–193.
3. *Багно В.Е.* «Дон Кихот» в России и русское донкихотство. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – 228 с.
4. *Букс Н.Я.* Эшафот в хрустальном дворце : о русских романах В. Набокова. – Москва : Новое литературное обозрение, 1998. – 199 с. – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/buks-russkie-romany/kross-zhanr-podvig.htm> (дата обращения: 05.09.2024).
5. Введение в литературоведение : учебник для вузов : в 2 т. / под редакцией Л.В. Чернец. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2021. – Т. 2. – 388 с.
6. «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма : [сб.] / отв. ред. член-корр. РАН А.Л. Топорков. – Москва : Индрик, 2015. – 416 с.
7. *Гусейнова Э.Р.* Владимир Набоков, автор «Дон Кихота» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2012. – Т. 12, № 3. – С. 68–73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladimir-nabokov-avtor-don-kihota/viewer> (дата обращения: 05.09.2024).
8. *Двинятин Ф.* Набоков, модернизм, постмодернизм и мимезис // Империя N. Набоков и наследники : сборник статей / ред.-сост. Ю. Левинг, Е. Сошкин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006. – С. 442–481.
9. *Дмитриенко О.А.* Сквозь витражное окно. Поэтика русскоязычной прозы Набокова. – Санкт-Петербург : Росток, 2014. – 335 с.
10. *Зезюлевич А.В. Автухович Т.Е.* Функционирование вечных сюжетов об искусстве в русской литературе рубежа XIX–XX веков // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. – 2012. – № 3 (36). – С. 90–94. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-vechnyh-syuzhetov-ob-iskusstve-v-russkoy-literature-ru-bezha-hih-hh-vekov> (дата обращения: 05.09.2024).
11. *Ишимбаева Г.Г.* Образ Фауста в немецкой литературе XVI–XX веков : учебное пособие [Электронный ресурс]. – 3-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2019. – 261 с. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1047951> (дата обращения: 05.09.2024).
12. *Ковалев Б.В. Жуков А.П.* Имена собственные в рассказе В.В. Набокова «Месь»: семантика и претексты // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 2 (21). – С. 56–64.
13. *Люксембург А.* Английская проза Владимира Набокова // RELGA [Электронный ресурс]. – 1999. – № 14 (20). – URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu>

- www.woa/wa/Main?textid=1677&level1=main&level2=articles (дата обращения: 05.09.2024).
14. *Медарич М.* Владимир Набоков и роман XX столетия // Владимир Набоков : pro et contra / [сост. Б. Аверин и др.]. – Санкт-Петербург : Издательство , 1999–2001. – Т. 1. – 1999. – С. 454–473.
 15. *Медведева А.С.* Неочевидные сближения : специфика автоинтертекста в рассказах В. Набокова «Весна в Фиальте» и «Однажды в Алеппо...» // Молодая филология – 2021 (по материалам исследований молодых ученых) : сб. науч. трудов. – Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2021. – С. 92–97.
 16. *Набоков В.В.* Лекции о «Дон Кихоте» / пер. с англ.; предисл. Ф. Бауэрса, Г. Дэвенпорта. – Москва : Независимая газета, 2002. – 328 с.
 17. *Набоков В.В.* Собрание сочинений : в 4 т. – Москва : Правда, 1990. – Т. 2. – 445 с.
 18. *Пинский Л.Е.* Магистральный сюжет : Ф. Вийон, В. Шекспир, Б. Грасиан, В. Скотт. – Москва : Советский писатель, 1989. – 416 с.
 19. *Пинский Л.* Сюжет «Дон Кихота» и новый европейский роман // Вопросы литературы. – 1960. – № 4. – С. 168–181. – URL: <https://voplit.ru/article/syuzhet-don-kihota-i-novuj-evropejskij-roman/> (дата обращения: 05.09.2024).
 20. *Хализев В.Е.* Теория литературы : учебник. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 2005. – 405 с.
 21. *Хасин Г.* Театр личной тайны. Русские романы В. Набокова. – Москва ; Санкт-Петербург : Летний сад, 2001. – 188 с.
 22. *Хейбер Э.* «Подвиг» Набокова и волшебная сказка / пер. А. Сумеркина // Старое литературное обозрение. – 2001. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/slo/2001/1/8220-podvig-8221-nabokova-i-volshebnyaya-skazka.html> (дата обращения: 05.09.2024).
 23. *Шитакова Н.И.* Особенности реминисцентной составляющей текстов В. Набокова и Г. Газданова // Материалы Всероссийской (с международным участием) очно-заочной научно-практической конференции, посвященной 60-летию филологического факультета Башкирского государственного университета (15 декабря 2017 года). – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – С. 328–335.
 24. *Шраер М.Д.* О концовке набокковского «Подвига» // Старое литературное обозрение. – 2001. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/slo/2001/1/okonczovke-nabokovskogo-podviga.html> (дата обращения: 05.09.2024).
 25. *Krabbenhof K.* *Don Quixote* and *Lolita* // Atlantis. – 1996. – Vol. 18, N 1/2. – P. 213–227.
 26. *Kunce C.* “Cruel and Crude” : Nabokov reading Cervantes // Cervantes : Bulletin of the Cervantes Society of America. – 1993. – Vol. 13, N 2. – P. 93–104.
 27. *Logie I.* Vladimir Nabokov on *Don Quixote* : ‘A Veritable Encyclopedia of Cruelty’ // Vladimir Nabokov’s lectures on literature : portraits of the artist as reader and teacher / ed. by B. Dhooge, J. Pieters. – Leiden ; Boston : Brill Rodopi, 2017. – Vol. 62. – P. 44–59.